

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

Оформление серии *Е. Околыциной*

Редактор серии *А. Антонова*

Черкасова, Надежда Анатольевна.

Ч-48 Да не судимы будете / Надежда Черкасова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Сердце пополам. Детективные романы Н. Черкасовой).

ISBN 978-5-04-104428-2

Секретарша Леночка страстно мечтала занять кресло своей начальницы, судьи Аллы Никоновой. Леночка с нетерпением ждала удобного случая, который не пропустит ни за что на свете. Она хоть и верила в свою звезду, зажженную для нее папой, но пыталась и сама приблизить сокровенную мечту: усердно училась и постигала все премудрости лукавой Фемиды. Секретарша твердо верила, что Фемиде непременно нужно подсказывать, в каком направлении двигаться, иначе своенравная богиня правосудия может и невинного ненароком засудить. Тем более в их провинциальном городке творятся темные делишки. Уже убиты два самых известных адвоката, а сама судья Никонова редко появляется на работе и явно чего-то боится...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104428-2

© Черкасова Н., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*«Стыд и честь — как платье:
чем больше потрепаны,
тем беспечнее к ним относишься».*

Апулей

Глава 1

МИЛЫЕ БРЛНЯТСЯ — СУДЬИ ТЕШАТСЯ...

Секретарша Леночка страстно мечтала о том, что когда-нибудь — в недалеком будущем — займет вожаделенное кресло своей начальницы, судьи Никоновой. Леночка с нетерпением ждала удобного случая, который не пропустит ни за что на свете.

Она хоть и верила в свою звезду, зажженную для нее папенькой, но пыталась и сама приблизить сокровенную мечту: усердно училась и постигала все премудрости лукавой Фемиды. Секретарша твердо верила, что Фемиде непременно нужно подсказывать, в каком направлении двигаться, иначе своенравная богиня правосудия — и Леночка это знала не понаслышке, а видела воочию — могла и невинного ненароком засудить.

Вот только одна загвоздка: начальница, как назло, словно приросла к своему месту и никуда не собиралась уходить. Хоть бы уж ее повысили в должности или она куда-нибудь переехала! Леночка бы стала достойной преемницей, и даже лучше, так как старалась вести себя одинаково вежливо и предупредительно со всеми, особенно с посетителями.

Не то что начальница, которая смотрит на простых смертных как королева со своего трона, а презренных

участников судебного процесса даже взглядом не желает одарить, так как уже заранее, без всяких судебных разбирательств, наметила их в жертвы. Но что самое ужасное, так это...

Праведные мысли секретарши прервал высокий эlegantный молодой мужчина, стремительно ворвавшийся в приемную. Он окинул Леночку ошупывающим заинтересованным взглядом, отчего у той порозовели щеки.

Нет, Леночка этого щеголя-адвоката явно недолюбливала, иначе бы не чувствовала себя с ним так неловко.

— Сама-то у себя?

— У себя, но очень занята: готовится к процессу.

Взгляд адвоката стал масляным, и Леночка сдалась.

— Сейчас доложу, — бросила она и мигом скрылась за дверь.

При ее появлении судья даже не подняла голову, уткнувшись в документы. Опасаясь получить нагоняй за беспокойство, Леночка набрала в роскошную грудь побольше воздуха, отчего верхняя пуговица на кипенно-белой блузе расстегнулась, и выпалила:

— Алла Николаевна, к вам вездесущий Берков.

Никонова взглянула на секретаршу, хрупкую блондинку со смазливym личиком, в голову которой неизвестно как забрела шальная мысль стать судьей, и вот она уже работает у самой служительницы Фемиды, находясь почти на подступах к заветному креслу. Неужели это ее папочка, помощник и правая рука прокурора Энска, стал генератором столь безумной идеи?

Леночка хоть и старательная, но — если не лукавить — особым умом все же не блещет. Однако пер-

спективы, несомненно, у нее есть. Как и у любого другого, кто обременен нужными в их кругах связями. Так что она смело и беспрепятственно может двигаться к своей цели.

Леночка терпеливо переминалась с ноги на ногу, ожидая вердикта задумавшейся начальницы, которой наверняка не хотелось встречаться с этим скользким типом.

— Если не примете, он все равно прорвется, — попыталась она взять начальницу на испуг. — Вы же его знаете: он способен просочиться даже сквозь щель, — угрожающе зашептала Леночка, сделав большие глаза в качестве последнего аргумента убеждения.

— Тогда зови! — вздохнула судья.

— А чего меня звать-то? Я всегда тут как тут, — заскочил в кабинет адвокат и подмигнул выходящей секретарше, скользнув взглядом по ее бюсту.

Берков по-хозяйски расположился за столиком для посетителей, раскладывая многочисленные документы, глядя на судью ясными голубыми глазами праведника и улыбаясь добродушной белозубой улыбкой. Густые русые волосы прядями спадали ему на лоб, и он взмахом головы пытался вернуть их на предназначенное соответствующей прической место. Хорошо выбрит, костюм с иголочки, ногти после маникюра. И когда он все успевает?

Может, потому и успевает, что не женат. И у него куча времени следить за собой, любимым. Как будто у женатых его меньше, и они за собой ухаживают не так старательно. Наоборот, еще и жену впрягут в столь почетную миссию.

— Чего тебе? У меня ни минуты свободной, сейчас заседание суда. Не до тебя мне!

— Ясное дело, что не до меня. Я просто хотел узнать, как наши дела?

— Мои — при мне, а со своими сам разбирайся.

— Что с Петровыми? — даже не обратил внимания на пренебрежительный тон Берков. — Никаких сюрпризов не предвидится?

— Я работаю без сюрпризов, разве тебе неизвестно?

— Раньше работала, — поправил Берков. — Раньше. А теперь все изменилось. Как появился твой Перепёлкин.

— Тон смени!

— Извини! Я хотел сказать — наш Перепёлкин. Ведь он не только твои выверенные дела под откос пускает, но и дела других судей. Сколько твоих опусов уже вернули на пересмотр?

— Не твое дело!

— Обижает, подруга. Мое тоже. Потому что у меня репутация человека честного и умеющего держать слово. И мне совсем неинтересно, когда меня, словно нашкодившего щенка, тычут носом в...

— Я же сказала тебе, что решу эту проблему, — перебила Никонова. — В ближайшее же время. Переговорю с ним.

— Это ты сейчас так пошутила? Тогда почему мне совсем не смешно?

— Денис, мне сейчас и вправду некогда. Уходи, пожалуйста! После поговорим.

— Ты в эти выходные на даче будешь? Может, там и встретимся?

— Не знаю, пока не думала. Давай сначала созвонимся.

Берков мгновенно смел со стола документы в дорожной кейс из натуральной крокодиловой кожи и выпорхнул вон, не прощаясь. Это означало, что они сегодня еще не раз встретятся.

Неужели когда-то она его любила? Не может быть! Совсем немного времени прошло, а верится с трудом.

Им сейчас по тридцать пять. У обоих в личной жизни за последние десять лет ничего не изменилось. И вместе не остались, и порознь у каждого как-то не сложилось. А все потому, что себялюбие их не знает границ, и найти вторые половинки для самовлюбленных это пока не представляется возможным.

Зато в карьере каждый спешит к своим целям семимильными шагами. Алла не сегодня завтра станет председателем городского суда, а Денис ныне единственный в городе адвокат-посредник, которому доверяют все — и судьбы, и прокуратура, и полиция, и администрация города.

Она задумчиво перелистывала лежащие перед ней документы. Чем ближе время очередного отпуска, тем меньше думается о работе. Да еще это не умолкающее ни на секунду пение беспредельно счастливых птиц, сбивающее с делового настроения.

Алла вздохнула и посмотрела в приоткрытое окно, выходящее в небольшой сквер за зданием суда, — огороженную от посторонних зеленую зону, куда иногда могли выходить судебские. Кто покурить, кто подышать свежим воздухом, а кто и посудачить о том о сем.

Южный ветер ласково и нежно раскачивал кроны деревьев с набухшими почками и кое-где распустившимися маленькими и нежными зелеными листьями. Весна радостно вступала в свои права и уверенно шагала по обновленным первой зеленью улицам южного провинциального городка, насаждая в умах и душах местных жителей и приезжих необыкновенно яркое всепоглощающее чувство уверенности в завтрашнем

дне, который непременно исполнит все их самые сокровенные желания.

До отпуска почти три месяца, но как Алла ни старается, судебных дел меньше не становится. Они растут словно снежный ком, и если не сосредоточиться целиком только на работе, оставив хотя бы один иск нерассмотренным, отпуска ей «не видать, как своей заветной цели». Так Алле объявил председатель суда, журия за проволочки в некоторых особо интересующих его делах.

Потому долой все отвлекающие мысли о лучезарном блистательном Средиземноморье, где продолжительность жизни гораздо выше среднестатистической по планете. Долой мечты о скромной, но обязательно с бассейном, вилле на золотом песчаном берегу с необыкновенно сказочным видом на теплые пенистые волны. Подождет также и сияющий всеми цветами радуги бесконечно прекрасный, но такой далекий и пока недоступный, как многие наши желания, горизонт.

За окнами продолжает ярко светить солнце, и воздух наполнен беззаботными, щемящими душу и радующими сердце трепетными ожиданиями любви, надеждами на счастье. Предчувствиями, что отныне все может быть и непременно будет только замечательно.

Невозможно представить хотя бы одного человека, который не испытывает этих весенних эмоций. А когда кому-то радостно, то кажется, что все кругом просто обязаны веселиться. Ведь счастливый человек всегда эгоистичен.

Алла поднялась и наглухо закрыла окно. Чтобы не отвлекаться. У нее нет причин чувствовать себя несчастной. Алла добилаась почти всего, чего хотела: вла-

сти, денег, почитания. Ей ужасно нравилось, когда к ней обращались в суде: «Ваша честь!»

Что еще может так возвысить человека перед остальными, а главное — в собственных глазах? И чего еще можно пожелать себе? Ну разве что счастья в личной жизни! А с ее-то энергией и напором такая перспектива уже не за горами.

Судья с удовольствием оглядела просторный кабинет, в котором нет ни одной лишней отвлекающей взгляд посетителя вещи: все строго и лаконично, по-деловому. Но если внимательно приглядеться, то присутствует нечто, обращающее на себя внимание.

Это маленькие, еле заметные печати — отпечатки креста, оставленные батюшкой на стенах после церковного обряда освящения кабинета. Такие же метки присутствуют во всех кабинетах здания городского суда. И почти во всех кабинетах на рабочих столах стоят маленькие церковные иконки.

Алла не совсем понимает, для чего все эти атрибуты. Чтобы очистить помещение от негатива, скапливающегося после судебных разбирательств? Или в качестве охраны от ненавидящих и злобных взоров, порчи — то есть какая-никакая, а все-таки защита? А может, просто дань моде?

Скорее всего, это доказательство того, что судьи — глубоко верующие люди и всегда поступают только праведно, по закону. Тогда Алла считает подобную постановку вопроса чудовищным кощунством, что не мешает ей следовать общепринятым правилам, ведь иконы в кабинетах создают ложное представление о хозяевах и служат неким показателем их честности, справедливости и верности.

Чему? То есть как это «чему»? Принципам беспристрастности и независимости согласно Кодексу чести, законности и неподкупности хозяев кабинетов.

А ведь это полнейшее заблуждение. «Крайняя несправедливость — казаться справедливыми, не будучи таковыми!» Нет, это не Алла придумала, а Платон. Но она, несомненно, с ним согласна...

Да ладно, неужели в их суде больше никто, кроме нее, не замарал честь мундира взятками? И Берков, хитрец этакий, хоть и признается ей постоянно в любви, а ведь ни об одном судье не проговорился. Может, потому ему доверяют все — и свои, заядлые игроки чужими судьбами, и инакомыслящие праведники, которые опасаются затевать подобные игрища?

Вот и хорошо. Значит, и о ней никто ничего не узнает. Выходит, как ни крути, надежные люди, подобные Беркову, нужны. Хотя тот, кто слишком много знает и отягощен чужими тайнами, обычно долго не живет.

А если иконки — это напоминание судьям о том, что сверху за ними наблюдают, и их ухищрения и беззакония в любом случае известны самому главному судье всего человечества? Поэтому все, преступившие заповеди, будут наказаны?

Разумеется, возмездие преследует всякого, кто бы сомневался. Вот только догоняет немногих. А для того, чтобы тебя не догнали, полезно научиться не только хорошо бегать, но и как следует изучить действующее законодательство. Это незнание закона не избавляет от ответственности. А вот знание его даже запросто может избавить.

Алла с трудом оторвала взгляд от манящего, залитого солнцем вида за окном и раскрыла очередную папку.

Гражданское дело было простым и ясным. Как мыльный пузырь.

Сначала появляется некая субстанция, радующая глаз, создающая ощущение праздника и именуемая мужчиной. Субстанция переливается всеми цветами радуги обещаний, надежд и счастливых планов на дальнейшую совместную жизнь с тобой, единственной и неповторимой. Затем пузырь лопается, вызывая растерянность и недоумение, разочарование и пустоту.

Очередная женщина принимает очередной мыльный пузырь за суженого-ряженого, единственного и неповторимого, делает на него ставку, надеясь на крупный выигрыш в этой сложной и коварной игре под названием «Семейная жизнь» и, как это бывает сплошь и рядом, когда выбираешь суррогат вместо настоящего, проигрывает.

Мужчина оказывается совсем не тем, кем хотелось его видеть. Рассматривать же внимательно до замужества — нет ни времени, ни желания. А потому налицо присутствие некоей легкомысленности — не понравится, так разведусь! — а главное, надежда на авось, что подводит большинство женщин. И ее семейная жизнь, слепленная из мечтаний, рушится.

Когда женщина обманывается в своих самых светлых чувствах и надеждах, то есть в духовном плане, она судорожно пытается сохранить хотя бы материальное, легковерно надеясь на справедливость закона, о котором вдруг вспоминает.

Но и тут она обманута, так как делает ставку не на разум, а на эмоциональные переживания, связанные с любовью и ненавистью, совестью и коварством, то есть понятия, которые вообще в законодательстве отсутствуют.